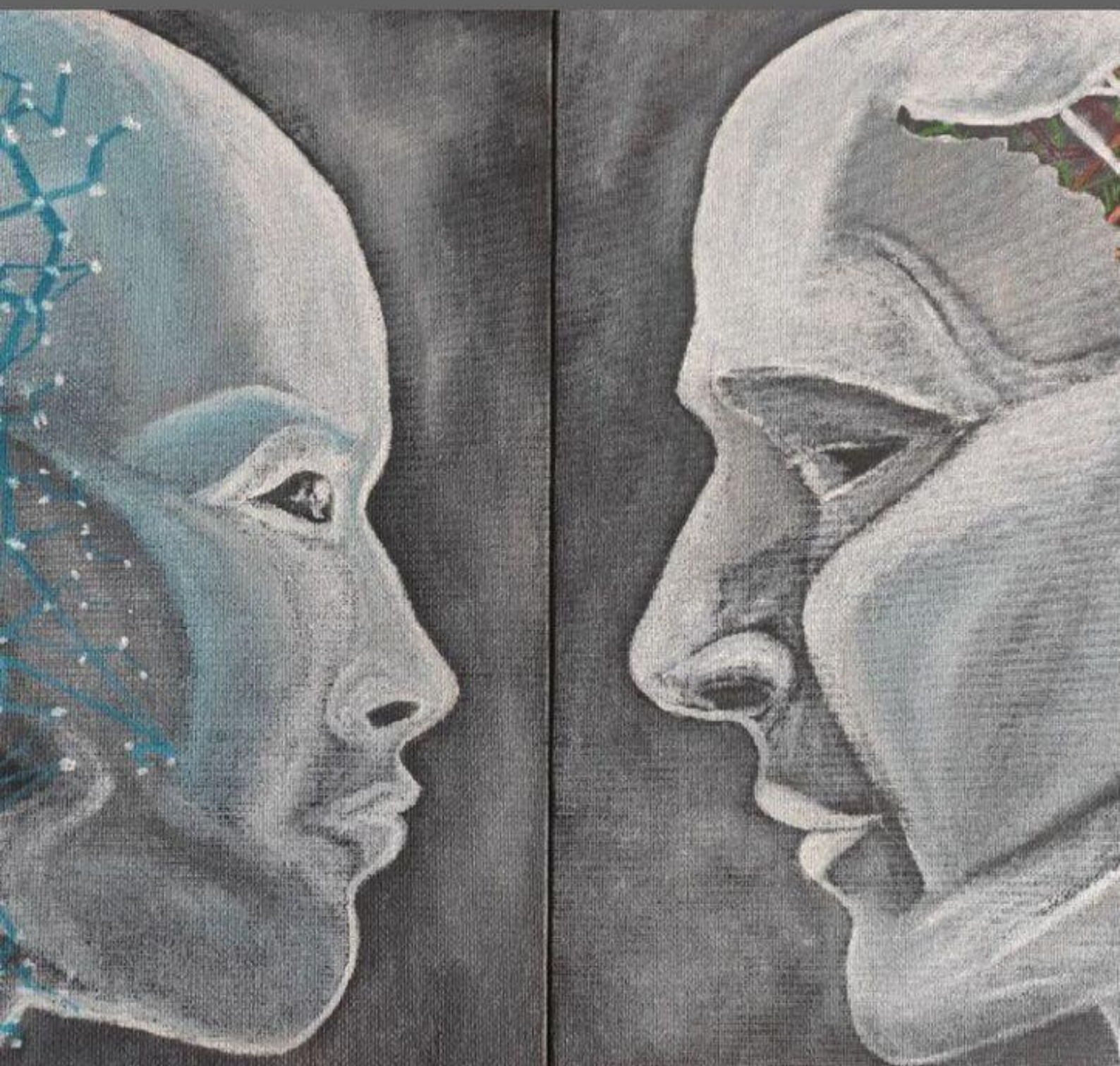

18+

Александра Ахия

Хрустальные

Возвращение в сердце мира

Александра Ахия

**Хрустальные. Возвращение
в сердце мира**

«Издательские решения»

Ахиия А.

Хрустальные. Возвращение в сердце мира / А. Ахиия —
«Издательские решения»,

Хрустальные — не просто приключенческий триллер, а историю о том, как жадность разрушает, а искреннее стремление к познанию — спасает. О том, что настоящие сокровища — это не хрустальные черепа, а люди, готовые взять ответственность за свои поступки.

© Ахиия А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ: Ночь, когда погас свет	6
Июль 2003 года. Полуостров Юкатан, неизведанные джунгли	6
ЧАСТЬ 1: ЭХО В ЭФИРЕ	9
ГЛАВА 1: Сигнал из бездны	9
ГЛАВА 2: Осколок памяти	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Хрустальные Возвращение в сердце мира

Александра Ахия

© Александра Ахия, 2026

ISBN 978-5-0070-8416-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ: Ночь, когда погас свет

Июль 2003 года. Полуостров Юкатан, неизведанные джунгли

Джунгли Юкатана не спят. Они дышат.

Это дыхание ощущалось не кожей, а самой сутью — липкой, тяжелой влажностью, что висела в воздухе, и непрерывным, оглушительным стрекотом цикад, который сливался в единый гипнотический гул. Воздух пах гниющей листвой, орхидеями и чем-то еще — древним, забытым, тем запахом, который помнят только те, кто родился в этих джунглях.

Солнце уже село, но его последние лучи пробивались сквозь густую листву, создавая на земле причудливые узоры из света и тени. Деревья — гигантские сейбы с корнями, похожими на стены крепостей, — поднимались в небо на десятки метров. Лианы свисали с их ветвей, как зеленые занавеси, скрывая от глаз всё, что происходило под пологом леса.

В самом сердце этих джунглей, скрытый от глаз посторонних, стоял древний город. Не тот, что туристы видят в Чичен-Ице или Паленке — нет, этот город был забыт. Его пирамиды, храмы и площади были поглощены джунглями настолько, что даже с воздуха их было невозможно заметить. Только местные индейцы — потомки тех, кто когда-то служил здесь, — знали, как найти путь. И только они знали, что здесь хранится.

В самом центре города, на вершине величественной пирамиды, скрытой густым пологом вековых деревьев, горели факелы.

Балам стоял на вершине пирамиды. Ему было всего двадцать четыре, но в его глазах, отражающих мерцание факелов, плескалась древняя, не по годам тяжелая мудрость. Он был хранителем. Последним в роду, кто помнил истинные слова.

Его тело было покрыто татуировками — не теми, что делают для красоты, а теми, что рассказывают историю. Спиральные узоры на руках означали связь с предками. Символы на груди — знание о звездах. А на спине, скрытая от глаз, была вытатуирована карта неба — та самая, что оставили «Хрустальные» тысячи лет назад.

Перед ним, на каменном алтаре, покрытом резьбой, которую не смогли бы повторить даже современные станки с ЧПУ, лежал ОН.

Хрустальный череп.

Он не был вырезан из цельного куска кварца, как любили писать в желтых газетах. Он был выращен. Его поверхность была идеально гладкой, но если присмотреться при определенном угле падения света, внутри можно было увидеть застывшие галактики, микроскопические спирали и структуры, похожие на нейронные сети. Череп не просто лежал на алтаре — он парил в миллиметре над каменным основанием, удерживаемый невидимым полем.

Балам зажег благовония. Густой, сладковатый дым копала потянулся к небу. Молодой шаман закрыл глаза и начал низкое, гортанное пение. Он не просил о дожде или урожае. Он настраивал свой ритм сердца на частоту кристалла.

Вибрация пошла от каменного пола, прошла сквозь ступни, поднялась по позвоночнику и отозвалась в висках. Череп откликнулся. Внутри него зажегся мягкий, голубоватый свет, пульсирующий в такт ударам сердца Балама. Это был голос «Хрустальных» — тех, кто пришел из звезд, когда люди еще только учились обтесывать камни. Они оставили этот накопитель, этот ключ, чтобы человечество однажды повзрослело.

Балам пел. Его голос сливался с голосами джунглей — с криками ночных птиц, со стрекотом цикад, с шепотом ветра в листве. Это была песня, которую он выучил от своего деда, а тот — от своего. Песня, которая звучала здесь тысячи лет.

Но человечество не повзрослело.

В тридцати шагах от алтаря, слившись с тенью гигантского папоротника, лежал Ричард Кроули.

Пот стекал в его глаза, щипало, но он не моргал. В его руке был сжат тяжелый, обмотанный изоляцией транквилизаторный пистолет, но Ричард знал, что химия здесь может не сработать — он уже видел, как стрелки с усыпляющим рикошетили от невидимого барьера вокруг пирамиды.

Поэтому он использовал старое. В другой руке он сжимал глиняный сосуд с пастой из зелья и крови летучей мыши. Местные индейцы использовали это для общения с духами. Ричард использовал это, чтобы их обмануть.

Он был американцем — сорока пяти лет, с жестким лицом и холодными глазами. Когда-то он был солдатом, потом — наемником, а теперь — охотником за сокровищами. Он слышал о хрустальном черепе от старого контрабандиста в Мехико, который сказал ему: «Эта вещь стоит больше, чем все золото мира. Но она проклята». Ричард не верил в проклятия. Он верил только в деньги.

Он дождался, когда дым копала стал гуще. Аккуратно, стараясь не шуршать одеждой, он подполз к краю платформы. Охрана — двое стариков с обсидиановыми ножами — сидела у подножия лестницы, их головы начали неестественно клониться вниз, стоило лишь густому аромату дурмана смешаться с дымом факелов. Ричард бросил маленький, тлеющий уголек с пастой прямо в их костер. Дым пошел тяжелый, маслянистый. Охрана вырубилась почти мгновенно.

Ричард поднялся на платформу. Его сердце колотилось так сильно, что он боялся, как бы этот стук не заглушил пение шамана. Он видел череп. Даже сквозь дым он сиял, как выхваченный из глубин океана алмаз.

Миллионы долларов, думал Ричард. Частные коллекционеры в Дубае и Женеве убьют друг друга за эту вещь. Я куплю остров. Я куплю целую страну.

Балам закончил мантру и открыл глаза, чтобы совершить финальный поклон.

В этот момент тень оторвалась от стены.

Ричард бросился к алтарю. Он не думал о ритуале, о духах, о проклятиях. Его рука, грубая, с коротко стриженными ногтями, жадно схватила череп.

В ту же секунду джунгли замолчали.

Цикады оборвали стрекот. Лягушки перестали квакать. Даже ветер, казалось, застыл в листве.

Ричард отдернул руку, но череп не отпустил его. Кристалл мгновенно отреагировал на биение его сердца, на пот, на жадность, на эгоизм, выплескивавшийся через край. Голубоватое сияние внутри черепа стало ослепительно-белым, затем — болезненно-багровым.

Из кристалла вырвался не звук, а удар. Инфразвуковая волна.

У Ричарда лопнули капилляры в глазах. Из носа хлынула темная кровь, капая на белый кварц. Факелы на алтаре вспыхнули зеленым пламенем и тут же погасли. Цифровые часы на руке Ричарда с шипением расплавились, обжигая кожу, а фонарик, закрепленный на его шлеме, взорвался, осыпав осколками стекла.

Череп гудел — тихо, но так, что этот гул проникал в кости, в зубы, в самый центр мозга. Это был не звук — это было осуждение. Кристалл показывал Ричарду его душу — жадную, пустую, черную. И Ричард не мог отвести взгляд.

— Отпусти! — прохрипел он, вырывая руку. Ему удалось перехватить череп левой рукой, правой он вытащил из кобуры пистолет и направил его на Балама. — Не подходи, индеец!

Балам стоял, парализованный ужасом. Он видел не просто кражу. Он видел, как рвется тончайшая паутина, связывающая их мир с миром «Хрустальных». Череп в руках Ричарда гудел, как трансформаторная будка, вибрируя так, что каменный алтарь пошел трещинами.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — голос Балама дрожал, но звучал твердо. — Он не вещь. Он — зеркало. И оно покажет тебе твою бездну.

Ричард лишь оскалился, вытирая кровавый след с подбородка. Он сунул череп в прорезиненный рюкзак, экранированный свинцовой сеткой (он готовился заранее). Гудение стало тише, но не исчезло. Оно перешло в разряд зубов Ричарда, в вибрацию его костей.

Он попятился, спрыгнул с пирамиды и растворился в темноте джунглей, оставляя за собой лишь запах озона и крови.

Балам упал на колени перед пустым алтарем. Он приложил ладони к холодному камню. Джунгли вокруг снова ожили, закричали ночные птицы, зашелестели листья. Но для молодого шамана мир уже никогда не будет прежним.

Печать была сорвана. Учитель ушел.

И теперь Балам знал: чтобы вернуть его, ему придется выйти из джунглей в мир, который их предал.

ЧАСТЬ 1: ЭХО В ЭФИРЕ

ГЛАВА 1: Сигнал из бездны

Октябрь 2026 года. Высокогорная радиоастрономическая обсерватория «Атакама-2», Чили.

Мир Алисы состоял из цифр, спектрограмм и бесконечного, холодного гуна серверов.

Ей было двадцать шесть, и она выглядела так, словно кофе и недосып стали ее основной диетой. Темные круги под глазами, небрежный пучок русых волос, заправленная за уши футболка с логотипом NASA и вечно надетые большие наушники с шумоподавлением. Алиса была не просто астрономом. Она была инженером-акустиком, специализирующимся на сонофикации данных — переводе электромагнитных волн из глубокого космоса в звуковые частоты.

Зачем? Потому что, как она любила говорить своим коллегам: «Глаза могут обмануть. Математика может быть истолкована неверно. Но уши... уши чувствуют фальшь».

Сейчас было три часа ночи. За окном лаборатории, на высоте пять тысяч метров над уровнем моря, бушевала снежная буря. Внутри было тихо, если не считать монотонное жужжание охлаждающих вентиляторов.

Алиса лениво крутила на экране трехмерную модель реликтового излучения — эха Большого взрыва. Это был «белый шум» Вселенной, фон, на котором разворачивалась вся история космоса. Обычно это был просто хаотичный статический треск.

Но сегодня фон кашлял.

Алиса нахмурилась, отставив кружку с остывшим кофе. Она придвинулась к монитору. На спектрограмме, посреди ровного поля космического шума, проступал странный артефакт. Узкая полоска аномалии на частоте 1420 мегагерц — линии водорода.

— Ну, что ты такое? — пробормотала она, набирая команду для фильтрации помех. — Спутник? Нет, орбитальная группировка сейчас в другой зоне. Радар военный? Тоже нет, мощность слишком низкая.

Она запустила алгоритм очистки, отсекая земные радиопомехи, солнечный ветер и излучение самого телескопа.

Аномалия не исчезла. Она стала четче.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал легкий холодок. Она выделила этот фрагмент и нажала кнопку «Конвертировать в аудио».

Динамики ожили. Сначала послышался привычный шипящий треск. Но затем, сквозь него, проступил ритм.

Тук... тук... тук...

Это было похоже на сердцебиение. Медленное, тяжелое, с долгими паузами. Алиса проверила временные интервалы. Ритм был не случайным. В нем была математическая строгость: последовательность Фибоначчи. Один удар, один. Два удара, два. Три, пять, восемь, тринадцать...

— Откуда ты берешься? — прошептала она, глядя на координаты источника.

Система триангуляции выдавала странные данные. Сигнал не шел из глубокого космоса. Он шел «оттуда», но отражался от ионосферы Земли, словно кто-то использовал планету как гигантский резонатор. А истинный источник, судя по микроскопическому доплеровскому сдвигу, находился на поверхности. Где-то в районе Центральной Америки.

Алиса нажала на усиление частот. Сердцебиение начало меняться. Ритм ускорился, и сквозь него прорвался другой звук.

Это был не шум. Это был голос.

Точнее, множество голосов, сложенных в сложный, полифонический хор. Они пели на языке, который Алиса слышала лишь однажды, два года назад, когда ее друг-лингвист пытался восстановить фонетику классического языка майя. Гортанные, вибрирующие звуки, от которых у нее заложило уши, несмотря на наушники.

Внезапно мониторы в лаборатории мигнули.

Лампочка на настольной лампе вспыхнула и с тихим щелчком перегорела. Экран соседнего компьютера, где ее коллега оставил скачиваться фильм, пошел рябью и выключился.

Алиса сняла наушники. В комнате стало пугающе тихо. Только ее собственный компьютер продолжал работать, но кулеры в нем взвыли на максимальных оборотах, словно процессор пытался обработать невозможный объем данных.

Она посмотрела на спектрограмму. Голоса из космоса больше не пели. Они звали.

И в этом зове, в этой странной, вибрирующей частоте, Алиса почувствовала не угрозу. Она почувствовала боль. Древнюю, застывшую во льдах времени боль чего-то огромного, что было оторвано от своего дома.

Ее пальцы зависли над клавиатурой. Она должна была позвонить руководителю смены. Должна была записать логи, отправить данные в центр обработки сигналов SETI. Но что-то остановило ее. Интуиция? Или тот странный резонанс, который она вдруг почувствовала в собственной грудной клетке, в такт тому самому космическому сердцебиению?

Алиса скопировала зашифрованный пакет данных на свой личный, не подключенный к сети флеш-накопитель.

— Я найду тебя, — тихо сказала она в пустую комнату.

Она не знала, что за тысячи километров от нее, в душном номере дешевого мотеля в Мехико, мужчина с тяжелым шрамом на щеке и глазами, помнящими дым копала, внезапно открыл глаза.

Он сидел на краю кровати, а в его руке, сжатой до побелевших костяшек, пульсировал слабым, голубоватым светом старый, потертый кожаный мешочек.

Балам услышал зов. И понял, что время пришло.

ГЛАВА 2: Осколок памяти

Мехико, Мексика. Реставрационная мастерская «Наследие».

Балам стоял над разбитой майяской стелой, аккуратно склеивая осколки вулканического стекла. Ему было сорок пять, но в его движениях сохранялась та же грация, что и двадцать три года назад, когда он танцевал ритуал на вершине пирамиды. Только теперь вместо ритуальных одежд на нем были джинсы и рубашка с закатанными рукавами, а в волосах, когда-то черных как вороново крыло, проступала седина.

Мастерская пахла клеем, каменной пылью и старым деревом. На стенах висели фотографии: Балам с археологическими экспедициями в Паленке, Балам рядом с известными антропологами, Балам на конференциях в Европе. Но ни на одной фотографии он не улыбался.

Его руки, покрытые мелкими шрамами от работы с камнем, замерли. В кожаном мешочке, висевшем на шее под рубашкой, пульсировал маленький кристалл — осколок того самого черепа, который он успел отколоть в момент кражи, прежде чем Ричард сбежал. Этот осколок был его компасом, его проклятием и его надеждой.

Сейчас осколок горел. Не физически — он был холодным как лед. Но Балам чувствовал его вибрацию в костях, в зубах, в самом центре лба. Это был тот же ритм, что и двадцать три года назад, когда череп впервые откликнулся на его пение. Только теперь в этом ритме была тревога.

— Ты проснулся, — прошептал Балам, глядя на осколок сквозь увеличительное стекло. — Или кто-то разбудил тебя.

Он отложил инструменты и подошел к старому компьютеру в углу мастерской. Балам не был хакером, но за годы поисков он научился многим вещам. Он ввел пароль и открыл закрытый форум коллекционеров древностей — «Черный рынок артефактов». Здесь не продавали краденое напрямую, но здесь оставляли намеки, шифры, координаты.

Балам вбил запрос: «Кварцевые аномалии. Центральная Америка. 2026.»

Результатов не было. Но он знал, где искать дальше. Он открыл другой сайт — базу данных радиотелескопов и обсерваторий. Здесь публиковались отчеты о странных сигналах, помехах, необъяснимых сбоях оборудования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.